
О новгородских «вольностях в князьях»

DOI 10.31168/91674-483-5.8

Явление, выраженное формулой «вольности в князьях», согласно отечественной историографической традиции, считается эксклюзивной особенностью государственного строя Новгорода. При этом не как составной части Древнерусского государства, но как отдельного образования. По мнению В.Л. Янина, внесшего наибольший вклад в изучение новгородских древностей и его социальной истории, неверно было бы включать Новгород в число древнерусских княжеств, как это было сделано в одном из коллективных сборников¹.

Правда, немногим ниже и в том же блестящем исследовании «главного института политической власти новгородского боярства» В.Л. Янин высказал и другую мысль, представляющуюся более справедливой, — что новгородская государственность была чисто русским явлением — одним из вариантов феодального государства, вызванного к жизни теми же историческими закономерностями, которые действовали повсюду на территории раздробленной Русской земли².

По существу, до 30-х гг. XII в. Новгород находился в тесной и неразрывной политической связи с Киевом, являясь его органическим продолжением. После этого рубежа и до разгрома Руси монголо-татарскими ордами в 40-е гг. XIII в. постоянно пребывал в сфере интересов великих киевских и владими́ро-суздальских князей.

---

¹ Речь идет о книге «Древнерусские княжества X–XIII вв.», изданной в Москве в 1975 г.

² Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 7–8.

Главная причина частой сменяемости князей на новгородском столе заключена не в какой-то особой свободоловности боярской знати города и земли, а в особом наследственном их статусе. В этом смысле Новгород очень близок к Киеву. Оба эти центра стояли у истоков Древнерусского государства и оба, на протяжении всего домонгольского периода, являлись важнейшими его семейно-родовыми скрепами. И тот, и другой не превратились в наследственные вотчины каких-либо семейных ветвей Рюриковичей, но рассматривались ими как их общединастическое наследие.

В подтверждение сказанного приведу лишь два примера отношения князей к Киеву и Новгороду. На заявление великого киевского князя Ярослава Изяславича — «Чему тобѣ наша отчина? Тобѣ си сторона не надобѣ» — черниговский князь Святослав Всеволодович ответил: «Я не угринь, ни ляхъ, но одиного дѣда есмы внуци, а колико тебѣ до него, толико и мнѣ»³. Приглашенный на новгородский стол, Мстислав Ростиславич вначале отказался на том основании, что не может уйти из своей отчины. Но братья его уговорили, объяснив, что Новгород тоже их отчина. «Но понудиша и (его. — П. Т.) братья своя, и мужи свои, рекучи ему: “Брате! Аже зовуть тя съ честию, иди; а тамо ци не наша отчина”»⁴.

Новгородцы, действительно, нередко изгоняли неугодных им князей. По летописной терминологии, показывали путь от себя. Но точно так же вели себя и киевляне. Когда в 1149 г. к Киеву подошли полки Юрия Долгорукого и его союзников, киевляне отказали Изяславу Мстиславичу и его брату Ростиславу в поддержке, заявив: «Поѣдита въ свои волости; а вы вѣдаета оже намъ съ Гюргемъ не ужити: аже по сихъ днешъ кде узримъ стягы ваю, ту мы готовы ваю есмы... Изяславъ же, обратився, с женою и дѣтьми поѣха Володимирю»⁵. Еще раз киевляне, вместе с черными клобуками, отказали в поддержке Изяславу Мстиславичу в 1150 г. «Кияне начаша стужати ему, рекуче: “Поѣди, княже, прочь”»⁶. В таком же положении оказывались и другие великие киевские князья. Вернувшись в Киев после ухода из него Святослава Всеволодовича, князя черниговского, Ярослав Изяславич, как пишет летописец в статье 1174 г., «на гнѣвъѣхъ замысли тяготу кыянномъ, река: “подъвели есте вы на мя Святослава”»⁷.

³ Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1962. Т. 2. Ипатьевская летопись. Стб. 578.

⁴ Там же. Стб. 607.

⁵ Там же. Стб. 383.

⁶ Там же. Стб. 401.

⁷ Там же. Стб. 579.

Аналогичные случаи имели место и в других княжествах, во Владимиро-Суздальском, Смоленском, Галицком. В 1175 г. владимирцы, осажденные ростовцами, заявили своему князю Михаилу Всеволодовичу: «Мирися, любо промыслиа собѣ», онъ же... поѣха в Русь»⁸. В том же году такая участь постигла и смоленского князя Ярополка Романовича: «Того же лѣта смольнянѣ выгнаша от себе Романовича Ярополка, а Ростиславича Мстислава въведоша Смоленську княжить»⁹. «Безбожные» галичане неоднократно сажали малолетнего Данила Романовича на галицком столе и изгоняли его оттуда. При очередном их предательстве, рассказанном в статье 1235 г. Ипатьевской летописи, они заявили князю: «“Не погуби себя, поиди прочь”. Данилови увѣдавшоу крамолу ихъ изииде»¹⁰.

Длительное время считалось, что начало принципа «вольности в князьях» восходит к событиям 1136 г., когда новгородцы, обиженные «предательством» Всеволода Мстиславича, искушенного великим киевским князем Ярополком Владимировичем переяславским столом, отказали ему в возвращении на княжеский стол Новгорода. Более того, арестовали и заключили вместе с семьей в епископском дворе. Отпустили только тогда, когда в Новгород прибыл новый князь Святослав Ольгович, ими же и приглашенный. Согласно В.Л. Янину, в 1136 г. имело место окончательное торжество принципа «вольности в князьях», выразившееся в приглашении князя не из Киева и не Мономаховича, но черниговского Ольговича. В реальной жизни право новгородцев выбирать себе князя, не сообразуясь с волей Киева, будто бы определилось уже в 1117 г., когда, в связи с уходом Мстислава Владимировича на белгородский стол, новгородским князем стал его сын Всеволод¹¹. Считается, что инициатива замещения княжеского стола принадлежала новгородцам и что условия его были оговорены в специальном договоре с Всеволодом.

Ссылки на ранние ряды-договоры, согласно которым князья занимали новгородский стол, в исторической литературе по Новгороду столь же постоянны, как и сетования на то, что они не дошли до нашего времени. Некоторые основания для подобных утверждений как будто дают нам договоры Новгорода с князьями второй половины XIII в., но никакой гарантии, что так было и в XII — первой половине XIII в., конечно, нет. Трудно представить, чтобы из четырех десятков договоров Новгорода с князьями этого времени, если они действи-

⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 597.

⁹ Там же. Стб. 598.

¹⁰ Там же. Стб. 774.

¹¹ Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 90.

тельно имели письменное оформление, ни один не дошел до нас, хотя бы в летописном пересказе.

По мнению В. Л. Янина, на существование договоров или условий, формирующих новгородские «свободы», указывают упоминания «всей правды», содержащиеся в летописных статьях НПЛ 1172 и 1197 гг.¹² Из буквального прочтения этих свидетельств сделать такой вывод трудно. В первом случае речь идет о том, что «на всю правду» к Андрею Боголюбскому ходил архиепископ новгородский Илья, но вряд ли он имел полномочия от города заключить какой-то договор с суздальским князем. Во втором — новгородцы («передние мужи») очередной раз привели в Новгород князя Ярослава Владимировича «съ всею правдою и честию», что равнозначно заверению их в искреннем к нему расположении.

Больше оснований видеть указания на письменное оформление новгородских вольностей в ссылках летописцев на уставы старых князей. И, тем не менее, ни одна из них не позволяет предполагать, что это были ряды-договоры Новгорода с князьями. Скорее речь может идти о княжеских жалованных грамотах. Всеволод Юрьевич, одарив новгородцев за их участие в его походе на Рязань, «вда имъ волю и уставы старых князей, его же хотяху новгородци»¹³.

Позже в новгородской летописи стали появляться ссылки на какие-то «грамоты Ярославли». В статье 1228 г. рассказывается, что князь Ярослав Всеволодович был приглашен на княжение в Новгород на условиях новгородцев: «И на всеи волѣ нашей и на всеѣх грамотах Ярославлих»¹⁴. Аналогичная крестоцеловальная формула содержится и в случае с вокняжением Михаила Черниговского. «И цѣлова крестъ на всеи воли новгородской и на всеѣх грамотахъ Ярославлих»¹⁵. При очередном занятии новгородского стола, как сказано в статье 1230/31 гг., Ярослав Всеволодович вновь клялся «на всеѣх грамотах Ярославлих и на всеи волѣ новгородчкой»¹⁶.

В свое время Л. В. Черепнин высказал предположение, что под «грамотами Ярослава» следует понимать какие-то не дошедшие до нас соглашения времен Ярослава Владимировича (внука Мстислава Великого)¹⁷. Каких-либо свидетельств на этот счет в летописи нет.

---

¹² Там же. С. 161.

¹³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 50, 248.

¹⁴ Там же. С. 57, 272.

¹⁵ Там же. С. 68, 274.

¹⁶ Там же. С. 70, 278.

¹⁷ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 239–254.

Прочностью своего княжеского положения в Новгороде он не обладал. Со времени первого утверждения на новгородском столе в 1172 г. и до окончательной его потери в 1199 г. Ярослав Владимирович еще дважды обретал и терял Новгород. Особой лояльности новгородцев не заслужил. Наоборот, как свидетельствует летопись, уже через год после вокняжения он рассорился с новгородцами — «негодовахуть бо ему новгородьци, зане много творяху пакости новгородские»¹⁸ — и был лишен стола Всеволодом Юрьевичем. В статье 1195/96 гг. вновь сказано, что новгородцы, «негодующе» на Ярослава, обратились с просьбой к Всеволоду прислать им вместо него своего сына. Так что заниматься какой-либо нормотворческой деятельностью у Ярослава Владимировича не было ни времени, ни условий.

Более успешным новгородским князем был Ярослав Всеволодович, но связать с ним «грамоты Ярославли» не позволяет то обстоятельство, что он сам дважды присягал на них новгородцам. Можно предположить, что это литературное клише было внесено в летопись позднейшими летописцами, хорошо знавшими о существовании договорных грамот Новгорода с тверским князем Ярославом Ярославичем 1264, 1266 и 1270 гг., но содержательно они целиком новгородские и вряд ли могли войти в летопись под названием «грамот Ярославлих».

К сожалению, не находит сколько-нибудь убедительных аргументов и версия, относящая появление каких-то актов, данных Ярославом Владимировичем Новгороду в 1016–1019 гг., включенных по мнению А.А. Шахматова¹⁹, в позднейшие своды. Запись в Комиссионном списке Новгородской первой летописи о том, что Ярослав дал новгородцам «правду, и уставъ списавъ» и наказал им «по сеи грамотѣ ходите, яко же списах вамъ, такоже держите»²⁰, не имеет подтверждения ни в одном летописном своде. Даже и в новгородском Синодальном, считающемся более исправным по сравнению с Комиссионным.

Не исключено, что «грамоты Ярославли» — это всего лишь красивая легенда, сочиненная новгородскими сводчиками XIV–XV вв. и возводившая таким образом происхождение новгородских свобод и вольностей еще к Ярославу Мудрому.

А теперь обратимся к факту замещения новгородского стола в 1117 г. Всеволодом Мстиславичем и посмотрим, дает ли он основание для утверждения о начале новгородской практики «вольности в князьях». Укор новгородцев Всеволоду после неудавшейся попытки

¹⁸ НПЛ. С. 37.

¹⁹ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 215 и сл., 507 и сл.

²⁰ НПЛ. С. 177.

утвердиться на переяславском столе и возвращения в Новгород, что он нарушил крестное целование и обещание «хощю у вас умрети», указывает на то, что ни о какой «вольности в князьях» новгородцы в 1117 г. и не помышляли. Наоборот, принимали его пожизненное княжение в Новгороде. Поэтому и были оскорблены уходом Всеволода из Новгорода в 1132 г.

Собственно, и к его посажению на столе они не имели прямого отношения. Это было фактически решение Владимира Мономаха, что и констатировали русские летописцы. «В лѣто 6625. Приведе Володимиръ Мъстислава из Новагорода, и дасть ему отецъ Бѣлгородъ, а в Новѣгородѣ сѣде Мъстиславичъ сынъ его, внукъ Володимеровъ», — записано в Ипатьевской летописи²¹. Практически так же об этом событии сообщил и новгородский летописец: «В лѣто 6625. Иде Мъстиславъ въ Киевъ на столъ из Новагорода марта въ 17, а сына посади в Новѣгородѣ Всеволода на столъ»²². Как видим, в приведенных сообщениях нет ни слова о каком-либо участии новгородцев в посажении Всеволода.

Не больше оснований и для утверждения, что окончательное торжество принципа «вольности в князьях» определилось событиями, связанными с изгнанием из Новгорода Всеволода Мстиславича в 1136 г. Из содержания летописного пересказа следует, что его отрешение не было связано с реализацией новгородцами своих исключительных полномочий в решении судьбы княжеского стола. Такой юридической нормы в новгородском договорном праве не было. Фактически речь здесь может идти о банальном перевороте, осуществленном, к тому же, не всем Новгородом, а лишь частью бояр, оказавшихся в данный момент более влиятельной политической силой. Первая попытка лишить Всеволода стола относится к 1132 г. Но одни его — «выгониша из города», а другие — «сдумавше, въспятиша и (его. — П. Т.) опять»²³.

Аналогичная ситуация имела место и в событиях после его изгнания. Оказалось, что это тоже не было всеобщим волеизъявлением новгородцев. Неожиданно в 1138 г. Всеволод появился в Пскове, приглашенный новгородцами вновь занять княжеский стол. «Хотя сѣсти в Новѣгородѣ опять на столъ своем, позван отаи новгородчкими мужи и плесковици, приятели его: “поиди, княже, тебе хотять опять”»²⁴. На этот раз противники Всеволода оказались сильнее, подняли в

²¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 284.

²² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 204.

²³ НПЛ. С. 207.

²⁴ Там же. С. 209–210.

Новгороде «мятежь великъ», разграбили дворы сторонников Всеволода, бежавших к нему в Псков, и не позволили ему вернуться на «стол свой», как заметил летописец.

Не согласуется с принципом «вольности в князьях» и еще один эпизод, связанный с лишением Всеволода стола. Он не был немедленно выслан из Новгорода, но переселен со всей своей семьей в епископский двор. Только через два месяца новгородцы «пустиша его из города». Из разъяснений летописца следует, что такая неспешность была связана с ожиданием нового князя: «И не пустиша его, донелъже инь князь будеть»²⁵. Следовательно, если бы что-нибудь не заладилось в переговорах новгородцев относительно иного князя, Всеволод мог быть и прощен.

То, насколько вольны были новгородцы в князьях, хорошо иллюстрируют их переговоры о замещении стола с великим киевским князем Всеволодом Ольговичем. Лишив княжения Святослава Ольговича, новгородцы изгнали его из города. По пути в Чернигов его пленили «смолняне» и заключили в монастыре на Смядине. Перед этим такая же участь постигла и его жену, которая была взята под стражу в Новгороде в монастыре святой Варвары. Внешне строгость новгородцев свидетельствует, как будто, об их суверенитете в замещении княжеского стола. Однако следующее за этими свидетельствами разъяснение летописца: «ждуцу Ярополку оправы съ Всеволодком»²⁶ указывает, что судьба княжеского стола в Новгороде зависела от того, как договорятся между собой великий киевский князь Ярополк Владимирович и черниговский Всеволод Ольгович, уже заявивший претензии на киевский стол. «Оправа» названных князей свелась к тому, что в Новгород был послан сын Юрия Долгорукого Ростислав. Слова летописи — «вниде (Ростислав. — П. Т.)... в Новъгород на столь» — определенно указывают на то, что новгородцы к этому посажению имели весьма опосредованное отношение.

В 1139 г. умирает великий князь Ярополк, и на киевском столе утверждается Всеволод Ольгович. Реакция новгородцев на это событие была мгновенной. Они посылают в Киев свое посольство и просят великого князя прислать им его брата Святослава, которого совсем недавно изгнали из города. Судя по летописному рассказу, новое его утверждение в Новгороде сопровождалось репрессиями по отношению к бывшим его обидчикам. «Того же лѣта поточиша в Киевѣ ко Всеволоду Костянтина Микулиница, и паки по немь поиха муж б, оковавше, Полюда Гостяница, Дѣмяна и иных колко»²⁷. Это вызвало

²⁵ НПЛ. С. 209.

²⁶ Там же. С. 211.

²⁷ НПЛ. С. 211.

волнение в городе: «по малѣ же времени почаша въставати новгородци»²⁸, напугавшее Святослава. Он заявляет Всеволоду, что больше не хочет княжить в Новгороде, и просит прислать туда другого князя. Вскоре, взяв с собой жену и дружину, Святослав бежит из города. Летописец объясняет это тем, что князь «убоявъся новгородцовъ: аще мя прельстивше имут»²⁹.

После этого новгородцы направляют в Киев епископа с «мужами лучшими» просить на новгородский стол сына великого князя. Всеволод удовлетворил их просьбу, но неожиданно они передумали и заявили, что хотят князя из «племени Володимеря». Назвали и кандидатуру — Святополка Мстиславича. Это вызвало гнев у Всеволода, который отказался вообще от посылки князя в Новгород: «Ать сѣдять сами о своей силѣ, кдѣ князя они налѣзоуть»³⁰. При этом задержал у себя на «зимоу же и лѣто» новгородцев во главе с епископом. Как уточнил летописец, Новгород оставался без князя девять месяцев.

Всеволод Ольгович, в конечном итоге, отправил в Новгород Святополка Мстиславича, но случилось это не потому, что так решили, как казалось В.Л. Янину³¹, новгородцы, а потому, что об этом позаботилась жена великого князя. «В то же лѣто (1141 г. — П. Т.) посла Изяславъ (Мстиславич. — П. Т.) къ сестрѣ своей, рече: “испроси ны у зяте Новгородъ Великий брату своему Святополку”, она же тако створи»³².

Примечательное свидетельство об относительной вольности новгородцев в князьях содержится в статье 1161 г. НПЛ. «Въ лѣто 6669. Уладися Ростислав съ Андрѣем о Новѣгородѣ». В Комиссионном списке сказано «урядися»³³. Результатом этого соглашения явилось выведение из Новгорода Мстислава Андреевича и вокняжение в нем Святослава Ростиславича. Как видим, в данном случае судьба новгородского стола целиком зависела от решения киевского и владими́ро-суздальского князей, а не от желания новгородцев. В летописи нет даже традиционной ремарки о том, что они были «рады своему хотению». Наоборот, сказано, что утверждение Святослава произошло «на всѣи воли его», то есть на его условиях. Не исключено, что одним из них была его вольность в новгородском столе. В 1167 г. Святослав ушел из Новгорода, заявив: «Не хоцю у васъ княжити, не

²⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 307.

²⁹ НПЛ. С. 211.

³⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 308.

³¹ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 141.

³² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 309.

³³ НПЛ. С. 31, 218.

любо ми есть»³⁴. Правда, из последующего разъяснения летописца становится ясно, что таковым было и желание новгородцев: «Не хощемь его».

С 1141 г. и вплоть до начала 70-х гг. XII в. на новгородском столе, как правило, сидели князья из племени Мономаха, о симпатиях к которому неоднократно заявляли новгородцы. И причина этому проста, в этот период в их руках находился и Киев. При этом новгородцы зорко следили за переменами на великом киевском столе. После смерти Ростислава Мстиславича и утверждения в Киеве Мстислава Изяславича новгородцы пригласили его сына. «А новгородци послаша в Русь ко Мъстиславу по сынъ»³⁵. И сколько ни пытались Роман и Мстислав Ростиславичи в союзе с Андреем Юрьевичем отстоять права на новгородский стол Святослава, новгородцы остались непреклонны. «В лѣто 6676. Приде князь Романъ Мъстиславиць, вьнукъ Изяславль, Новугороду на столъ, априля въ 14 день; и ради быша новгородци своему хотѣнню»³⁶.

По мнению В.Л. Янина, правление Мстиславичей производит впечатление реставрации старых порядков. Князья уходят из Новгорода по своему желанию или по желанию великого князя. Договор с Новгородом как будто не имеет для них значения. Поддерживающие Мстиславичей круги новгородского боярства борются за власть не с помощью постоянного контроля князя и поддержания ряда, а с помощью услужливого союза с князем, прощая ему нарушения договора³⁷.

Отмеченные В.Л. Яниным факты соглашательства новгородского боярства с князьями Мстиславичами в 40–70-е гг. XII в. действительно имели место, однако видеть в них какую-то реставрацию старых порядков вряд ли приходится. Они, скорее, продолжили традиционные. Такими были боярско-княжеские отношения в Новгороде и в период так называемого торжества принца «вольности в князьях» (1117–1136). Свою «вольность в князьях» новгородцы выказали за этот период только раз, когда в 1136 г. сместили Всеволода со стола, да и то не были единодушны в таком решении.

Большие возможности влиять на посажение князей у новгородцев появились в последние десятилетия XII и в первые XIII в. Вызваны они были тем, что кроме Киева в борьбу за Новгород активно включился и Владимир. Его князья, будучи также представителями

³⁴ Там же. С. 32, 219.

³⁵ НПЛ. С. 219.

³⁶ Там же. С. 220.

³⁷ Янин В.Л. Новгородские посадники. С. 142.

«Владиминова племени», пытались распространить на Новгород свои отчинные права. В годы княжения сильного Всеволода Большое Гнездо их признавали и новгородцы. Убедительным свидетельством этому является статья 1200 г. Лаврентьевской летописи, рассказывающая о посольстве новгородцев к Всеволоду Юрьевичу с просьбой дать им на княжение его сына. «Тое же осени придоша Новгородци, лѣпшиѣ мужи, Мирошьчина чадь, к великому князю Всеволоду с поклономъ и с молбою всего Новгорода, рекучи: “Ты господинъ князь великыи Всеволодъ Горгевичь, просимъ у тебе сына княжить Новугороду, зане тобѣ отчина и дѣдина Новѣгородъ”»³⁸. Признание новгородцами отчинных прав владимирово-суздальских князей на Новгород, по существу, равнозначно отрицанию формулы «вольности в князьях».

В целом в процедуре замещения новгородского стола и в этот период не произошло принципиальных изменений, если не считать того, что теперь новгородцам приходилось ориентироваться не только на Киев, но и на Владимир. При Андрее Боголюбском и Всеволоде Юрьевиче, рассматривавших себя соправителями великих киевских князей, Новгород в большей мере окормлялся князьями из их семейств, но имела место и практика замещения его стола южнорусскими Мономаховичами.

По-прежнему смена князей в Новгороде зависела от смены князей в Киеве и Владимире. Когда в 1175 г. был убит Андрей Боголюбский и на владимирово-суздальском столе сел его племянник Мстислав Ростиславич, новгородцы немедленно отреагировали на это изгнанием сына Боголюбского Юрия и приглашением сына Мстислава. «Выведоша из Новгорода князя Юрья Андрѣевича; а Мьстиславъ сынъ свой посади Святослава в Новѣгородѣ»³⁹. В 1180 г. новгородцы приводят на княжий стол сына Святослава Всеволодовича, который к этому времени стал соправителем на киевском великокняжеском столе. Расчет новгородцев на то, что киевский князь окажется победителем в конфликте с Всеволодом Юрьевичем, по-видимому, не оправдался, и они вскоре отказываются от услуг Владимира Святославича. «Показаша путь Володимеру Святославичу... а послашася по князь ко Всеволоду»⁴⁰. Вскоре такая же участь постигла и присланного в Новгород Всеволодом Ярославом Владимировича.

Из летописных свидетельств последних десятилетий XII в. об изгнании из Новгорода князей как будто явствует, что в это время они чаще, чем раньше, пользовались правом «вольности в князьях».

---

³⁸ Полное собрание русских летописей. Л., 1926–1928. Т. I. Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е. Стб. 415.

³⁹ НПЛ. С. 223.

⁴⁰ НПЛ. С. 227.

Их изгнанию подверглись шесть князей: Владимир Святославич (1181), Ярослав Владимирович (1184), Мстислав Давыдович (1187), Ярослав Владимирович (1195), Ярополк Ярославич (1197), Ярослав Владимирович (1199).

Удивительно, что неугодный князь через некоторое время становился вновь угодным. Ярослава Владимировича, свояка Всеволода Юрьевича, новгородцы приглашали и изгоняли трижды. Определенно причины этого были не столько в своеволье князей, сколько в противоборствующих партиях новгородского боярства. Приглашали одни, а изгоняли другие. Обращает на себя внимание и еще одна особенность частых перемен на новгородском княжеском столе. «Вольность» новгородцев имела половинчатый характер. Их суверенитет распространялся только на неугодность князей. Угодность определялась не ими, но теми князьями, будь то великие киевские или владими́ро-суздальские, у которых они просили кандидата на новгородский стол. В такой практике было много случаев, когда новгородцы просили одного князя, а получали другого.

Иногда и неугодность зависела не от них. Показательным примером может быть смена князей в 1205 г. Всеволод Юрьевич, учитывая частые нападения на новгородскую землю соседних народов, забирает из Новгорода младшего сына Святослава и сажает там старшего — Константина. Конечно, это произошло по воле владими́ро-суздальского князя, но летописец не преминул подчеркнуть, что этого хотели и новгородцы: «И радъ бысть весь великий Новъград своему хотѣнью»⁴¹.

Чрезвычайный интерес для постижения новгородской престолозаместительной практики представляет княжение в Новгороде Мстислава Мстиславича Удалого, сына Мстислава Ростиславича, княжившего в Новгороде в 1177–1178 гг. Он не был приглашен на стол новгородцами, но пришел к ним в 1210 г. по собственной инициативе, чтобы защитить их от насилия Святослава Всеволодовича. «Пришель есмь к вамъ, — заявил Мстислав новгородцам, — слышавъ насилие от князь, и жаль ми своя отцины»⁴². По существу, пришел по праву отчинного наследия, при этом выказав уважение святой Софии и гробу отца своего, находящемуся в ней. Новгородцы с радостью приняли его. Не возразил против этого и Всеволод Юрьевич, попросив только отпустить его сына с дружиною.

Ни с одним из предыдущих князей, может быть со времен Мстислава Владимировича, у новгородцев не складывались столь добрые отношения, и поэтому решение Мстислава Мстиславича оставить в 1215 г. Новгород и уйти в Русь кажется не очень логичным.

⁴¹ НПЛ. С. 246.

⁴² Там же. С. 249.

Судя по всему, это озадачило и летописца, особо отметившего, что он ушел «по своей воле». Перед уходом князь собрал вече, объявил свое решение и заявил: «А ви волнѣ во кнезех»⁴³.

Не прошло и года, как Мстислав Мстиславич вновь появился в Новгороде. На этот раз мотивировал свой приход тем, что хотел помочь новгородцам в трудное время неурожая и голода. «Тогда же учювь Мьстислав Мьстиславич великое то зло прииде в Новьгород мѣсяца февраля в 11 день»⁴⁴. Реакция новгородцев ничем не напоминала ту, которую они проявили по возвращении Всеволода Мстиславича в 1132 г. Ни обиды, ни оскорбленности, только радость. При взаимном целовании креста на Ярославовом дворе новгородцы поклялись, что готовы «с нимъ в живот и въ смерть»⁴⁵. Но через три года Мстислав в очередной раз засобирался в Русь. Собрав вече на Ярославовом дворе, он объявил новгородцам свое решение. «Кланяюся святѣи Софѣи и гробу отца моего и вамъ; хощю поискатѣ Галица, а вас не забуду, дай Богъ лѣць у святѣи Софѣи у гроба отца своего кость своя положити»⁴⁶. Сколько ни умоляли новгородцы Мстислава не уходить из Новгорода, он остался непреклонен.

Внешне решение князя выглядит спонтанным и немотивированным, но, как свидетельствует Ипатьевская летопись, оно было подготовлено заранее. Мстислав получил предложение занять галицкий стол от польского князя Лешка, принимавшего участие, вместе с венгерским королем Андреем, в разделе власти над Галичиной и Волынью при малолетних князьях Романовичах. «Лестько же сжалиси о срамотѣ своей, и посла к Новугороду по Мьстислава, и реки: “братъ ми еси, поиди и сяди в Галичѣ”». Мьстислав же поиде на Галичъ со свѣтомъ Лестьковымъ»⁴⁷.

После Мстислава поочередно уходят из Новгорода по своей воле приглашенные новгородцами владими́ро-суздальские князья Всеволод Юрьевич и Ярослав Всеволодович. Можно думать, что причиной тому были интриги неверных бояр, но в случае с Ярославом это, как будто, не подтверждается. Они умоляли его, как раньше Мстислава, не оставлять их. «Новгородци же кланяхуться ему: “Не ходи, княже”»⁴⁸. Последующие события также не очень согласуются с суверенным правом новгородцев выбирать себе князя. В 1219 г. великий

---

⁴³ Там же. С. 252.

⁴⁴ Там же. С. 253.

⁴⁵ Там же. С. 254.

⁴⁶ НПЛ. С. 259.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 731.

⁴⁸ НПЛ. С. 263.

киевский князь Мстислав Романович отозвал из Новгорода Святослава Ростиславича и послал туда Всеволода, с чем новгородцы и согласились. «Новгородци же паку створиша волю его»⁴⁹. Аналогичная ситуация имела место и в 1224 г. Попросив у Юрия Всеволодовича в третий раз сына Всеволода, они получили отказ. Вместо него владими́ро-суздальский князь предложил им Михаила Всеволодовича Черниговского: «Поимите у мене шюрина моего Михаила»⁵⁰. Новгородцы также согласились с этим.

По форме княжение Михаила Всеволодовича напоминало княжение Мстислава Мстиславича. После его прихода в Новгород в 1225 г. летописец с удовлетворением отметил: «И бысть легко по волости и по городу»⁵¹. Однако неожиданно для новгородцев Михаил, в том же году, объявил им, что возвращается в Чернигов. «Не хоцю у вась княжити, иду к Чернигову». При этом заявил, что рассматривает оба княжества как единое целое и рассчитывает на активное участие в торговле с Черниговом новгородских купцов. «А вы ко мнѣ гость пускаите, а яко земля моя, якоже земля ваша, а ваша земля, якоже земля моя»⁵². Попытка новгородцев отговорить Михаила от ухода в Чернигов не имела успеха: «молящеся ему, и не могоша его умолити, и тако проводиша его с великою честью»⁵³.

В 1228 г., после очередного оставления Новгорода Ярославом Всеволодовичем, новгородцы вновь посылают «по Михаила в Черниговъ». В Смоленске, по просьбе Ярослава, новгородские послы были задержаны, но Михаилу это стало известно, и он поспешил на север. Сначала в Торжок, а затем и в Новгород, где его с воодушевлением встретили новгородцы. Через непродолжительное время, и также без видимых причин, он ушел в Чернигов. Как будто не отказывался и от Новгорода, в котором оставил сына Ростислава и даже обещал «исправити вся правда новгородчкая»⁵⁴. В 1230 г. он вернулся в Новгород, совершил постриги сыну, посадил его на новгородском столе и вновь ушел в Чернигов. Наверное, полагал, что тем самым решил свое прежнее желание объединить обе земли. Из последующего разъяснения летописца следует, что Михаил обещал к Воздвиженью вернуться в Новгород с военной подмогой, но не сдержал крестного целования. Из-за этого новгородцы заявили

⁴⁹ Там же. С. 260.

⁵⁰ Там же. С. 268.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 269.

⁵⁴ Там же. С. 275.

княжичу Ростиславу, чтобы он покинул новгородский стол: «А ты поиди прочь, а мы собѣ князя промыслимъ»⁵⁵.

Промысление это свелось к тому, что они в очередной раз пригласили Ярослава Всеволодовича, который уже неоднократно покидал Новгород по своей воле, оставляя в нем своих малолетних сыновей. Как и Михаил Черниговский, Ярослав был свободен в своих поступках потому, что приходил в Новгород, имея за собой переяславльский стол, который он никому не передавал. Считаясь и князем новгородским, значительную часть времени проводил в Переяславле. В его отсутствие беспокойные новгородцы подымали мятежи в городе, и тогда Ярослав спешил в Новгород для их усмирения.

Под 1236 г. Новгородская летопись сообщает, что Ярослав Всеволодович пошел на стол в Киев, а в «Новѣгородѣ посади сына своего Александра»⁵⁶. По-видимому, к этому времени инициатива замещения новгородского стола оказывается целиком в руках владимиристо-суздальских князей. Разумеется, конфликты с новгородским боярством имели место и теперь, но их князья — Ярослав Всеволодович и его сын Александр — не изгоняются из Новгорода, а сами из него уходят, оскорбленные поведением своевольных бояр. После этого новгородцы, как бы извиняясь, вновь просят их на княжеский стол.

После предложенного исторического обзора событий по замещению новгородского княжеского стола попытаемся прояснить время появления и содержательное наполнение словосочетания «вольности в князьях». Была ли это юридическая норма, зафиксированная в каких-либо договорных рядах Новгорода с князьями, или речь может идти о своеобразном обычайном праве, не имевшем письменного оформления? При этом апеллировать будем не к несохранившимся рядам-договорам, которых, судя по всему, в домонгольское время новгородская престолозаместительная практика и не знала, а к тем свидетельствам, которые сохранились в летописях.

Первые глухие упоминания о княжеском пожаловании Новгороду содержатся в статье 1016 г. Новгородской первой летописи. В знак благодарности за помощь в овладении киевским столом Ярослав одарил новгородцев гривнами и отпустил их домой. Об этих «пожалованиях» Ярослава исследователи спорят уже многие десятилетия. Одни полагают, что они в полном объеме отражены в следующей за приведенным сообщением «Правде русской»⁵⁷, другие считают, что

---

⁵⁵ Там же. С. 278.

⁵⁶ Там же. С. 285.

⁵⁷ *Тихомиров М.Н.* Русская Правда. К 200-летию открытия памятника // Историк-марксист. 1938. № 5. С. 138–155; *Он же.* Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.; Л., 1941. С. 36–78.

ее текст был внесен в летопись только в XV в. и представляет собой сокращенную имитацию Пространной Русской правды⁵⁸.

Однако если бы «Правда руская» и была творением Ярослава, возводить к ней истоки новгородских вольностей нет никаких оснований. В ней нет статей, которые бы как-то особо нормировали жизнь Новгорода и новгородцев. Что касается принципа «вольности в князьях», то его не могло быть по определению. В столь раннее время, как, впрочем, и в продолжение всего XI в., новгородцы не могли и помышлять о суверенитете в замещении княжеского стола. Это было исключительной прерогативой Киева.

Интересное свидетельство о новгородских свободах, которое редко привлекается исследователями, находится в статье 1169 г. Лаврентьевской летописи. Оно не очень четкое. В нем говорится о каком-то освобождении новгородцев, но не уточняется, в чем оно проявлялось. Более того, летописец не совсем уверен, что такое «освобождение» вообще когда-либо было. «Не глаголем же, — замечает он, — прави суть Новгородци, яко издавна суть свобожени Новгородци прадѣды князь наших, но аще бы тако было, то велѣли ли имь преднии князи крестъ преступати или внуки, или правнуки соромляти, а крестъ честный цѣловавше ко внуком ихъ и к правнукомъ то преступати»⁵⁹. Из буквального содержания сказанного явствует, что владими́ро-суздальский летописец не знает о существовании каких-либо документов, подтверждающих новгородские свободы. Ему понятна только крестоцеловальная практика, в несоблюдении которой он и обвиняет новгородцев.

Судя по тому, что приведенная сентенция содержится после рассказа о зимнем походе Андрея Боголюбского на Новгород, в котором подчеркнута преданность новгородцев князю Роману Мстиславичу, чьего отца суздальский князь перед этим изгнал из Киева, речь в ней идет, по-видимому, о неверности жителей града на Волхове по отношению к своим князьям.

Если следовать летописным свидетельствам, а не догадкам и предположениям, то о формуле «вольности в князьях» можно говорить не ранее конца XII в. Под 1196 г. в Новгородской первой летописи рассказывается о мире между Новгородом и Всеволодом Юрьевичем. Главным его пунктом было согласие владими́ро-суздальского князя с правом новгородцев самим выбрать себе князя. «И взяша миръ между собою, а Новьгород выложиша вси князи въ свободу: кдѣ имь любо, ту собѣ князя поимают»⁶⁰. Из приведенного текста, однако, не следует, что согласие

⁵⁸ Толочко А.П. Краткая редакция Правды Руской. Происхождение текста. К., 2009.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 362.

⁶⁰ НПЛ. С. 43, 236.

Всеволода Юрьевича на право новгородцев выбрать себе князя отражало реально сложившуюся практику или устанавливало ее на будущее.

Последующие события свидетельствуют, что признание Всеволодом за новгородцами права самим решать, кто должен у них княжить, было номинальным. В 1200 г. он вывел из Новгорода Ярослава, а на его место посадил другого сына — Святослава. Причем представил это так, будто таково желание новгородцев. Во Владимир он вызвал из Новгорода епископа и посадника «с мужами лучшими», которые должны были сопроводить Святослава в Новгород. «Всеволод выведе Ярослава из Новагорода и веде и къ собѣ; а из Новагорода позва владыку и посадника Мирошъку и вячшии мужи по сынѣ»⁶¹. После его посажения «на столѣ въ святѣи Софѣи», как заметил летописец, обрадовался весь Новгород. Также радовались новгородцы, когда в 1205 г., о чем шла речь выше, Всеволод отозвал из Новгорода Святослава и посадил там старшего сына Константина.

Вторым князем, констатировавшим новгородские «вольности в князьях», был Мстислав Мстиславич Удалой. Уходя в 1215 г., «по своей воли», в Киев, он обратился к новгородцам, собравшимся на вече на Ярославовом дворе, со следующими словами: «Суть ми орудя в Руси, а вы вольни въ кнезѣхъ»⁶². Смысл сказанного не в ссылке на более раннее оглашение новгородцев со Всеволодом Юрьевичем, но в том, что Мстиславу было все равно, где новгородцы найдут себе нового князя.

Еще одно любопытное свидетельство о вольностях новгородских содержится в летописной статье 1219 г., в которой рассказывается о конфликте Святослава Ростиславича с посадником Твердиславом. Желание князя отобрать у последнего посадничество натолкнулось на сопротивление новгородцев. Узнав о том, что князь не может предъявить ему какую-либо вину, Твердислав напомнил новгородцам об их праве избирать себе не только князя, но и посадника. «Тому есмь радъ, яко вины моя нѣту; а вы, братье, въ посадничествѣ и во князех вольнѣ есте»⁶³.

Вольны-то вольны, но, оказывается, если бы князь смог предъявить вину посаднику, он бы и распорядился его судьбой. Это четко следует из ответа новгородцев Святославу. «Новгородцѣ же отвѣтъ даша князю: “Аще вины его нѣту, и ты к намъ крестъ цѣловаль без вины мужа не лишити; тобѣ ся кланяемъ, а се есть нашъ посадникъ, и в то ся не вдадимъ”»⁶⁴.

⁶¹ Там же. С. 44, 238.

⁶² Там же. С. 53, 252.

⁶³ Там же. С. 59, 260.

⁶⁴ Там же.

Таким образом, наличествующие источники не дают сколько-нибудь убедительных свидетельств о том, что новгородцы обладали исключительным правом на замещение княжеского стола, облеченным в договорную формулу «вольности в князьях». Никаких указаний на то, что она зиждется на какой-то юридической норме, содержащейся в «уставах старых князей», «грамотах Ярославлих» или в не дошедших до нас договорах Новгорода с князьями XII — нач. XIII в., нет. В княжеских грамотах такого пункта не могло быть по определению. Он мог быть только в условиях новгородцев, на которых они приглашали князей на стол, но, как свидетельствуют более поздние договорные грамоты Новгорода с тверскими князьями, нет его и там.

В заключение несколько слов об особенностях древнерусской договорной и уставной практики. Она никогда не отличалась сколько-нибудь продолжительной юридической обязательностью. В реальной жизни, как свидетельствуют сохранившиеся ряды-договоры Новгорода с тверскими князьями, срок юридической силы договоров ограничивался сроком пребывания князя на столе. Утверждение в Новгороде нового князя всегда сопровождалось заключением и нового договора. Нередко новые договоры составлялись также после второго или третьего приглашения на новгородский стол одного и того же князя, как это имело место с тверским князем Ярославом Ярославичем. Казалось, он мог бы исполнить крестоцеловальный акт при очередном занятии стола на первой договорной грамоте, но делал это всякий раз на новой.

У нас нет оснований утверждать, что в XII — первой половине XIII в. было по-другому. Это справедливо даже и в том случае, если договорные условия этого времени еще не обрели письменного оформления. Князья не могли совершать крестоцеловальные клятвы на каких-то преданиях об «уставах старых князей» или «грамотах Ярославлих». Эти летописные клише явились, по-видимому, осмыслением неизменной договорной реплики, что на таких же условиях целовали крест «дѣди и отци».